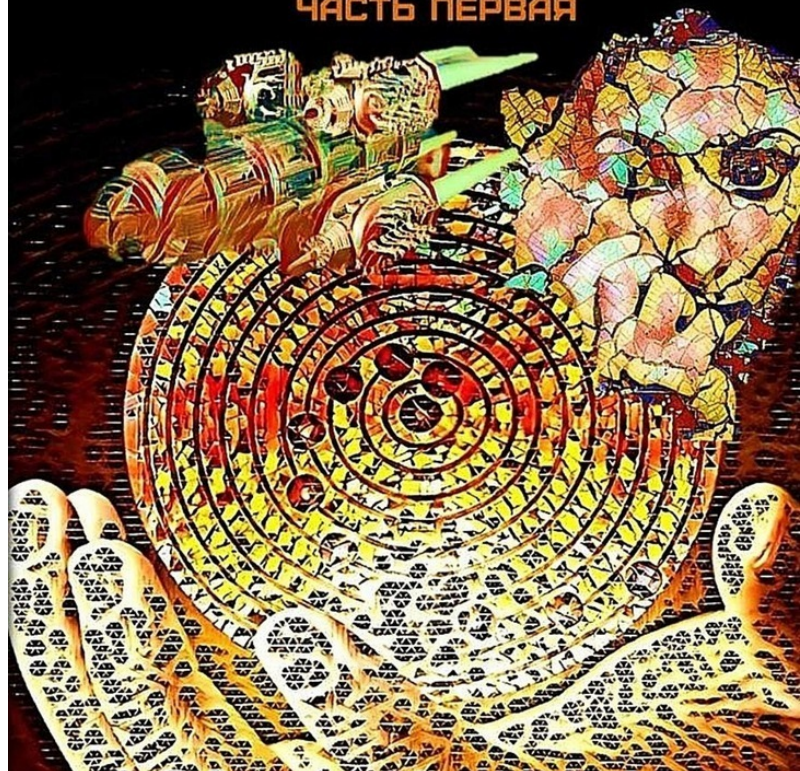

ОПАСНОЕ ЛЮБОпытСТВО

ОЛЬГА ФЛИНТ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ольга Флинт

Опасное любопытство. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38837159

ISBN 9785449361172

Аннотация

В тихом американском городе главный герой, профессор абстрактной физики Лепски, вступает в сотрудничество с необычной группой исследователей. Вместе они пытаются создать машину, которая поможет им перемещаться через слои пространства. И вот настает долгожданный день первого перемещения. Профессор Лепски едет в научный центр и обнаруживает, что центр оцеплен полицией. Все оказывается гораздо сложнее, чем простые эксперименты по пространственному перемещению.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Встреча	8
Глава 2. Банда исследователей	26
Глава 3. Жизнь в кармане	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Опасное любопытство

Часть 1

Ольга Флинт

Иллюстратор Ольга Флинт

Редактор Марина Тюлькина

Корректор Венера Ахунова

© Ольга Флинт, 2018

© Ольга Флинт, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-6117-2 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-6118-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Ольга Флинт родилась и выросла в Москве. Закончила РГАУ-МСХА им. Тимирязева. Училась и работала в США и Канаде в области медицинских исследований и молекулярной биологии. Ей интересен жанр научной фантастики, особенно все, что касается пространства и его свойств.

Отказ от ответственности

Имена, персонажи, предприятия, места и события, описанные в книге, являются либо продуктом воображения автора, либо используются фиктивно. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, или фактическими событиями является случайным.

Иллюстрация для обложки была создана автором книги, используя личную зарисовку и изображения, доступные на pixabay.com. Особая благодарность Gerd Altmann. Обложка была обработана в приложениях Paint и SuperPhoto. Шрифт был получен из бесплатного ресурса FontSquirrel.com

Благодарность

Я сердечно благодарю мою семью за поддержку в создании моей первой книги. Читателей, которые купили эту книгу. Профессиональную команду издательства Ridero за добросовестную работу, время и внимание.

Ольга Флинт, 2018

Пролог

Она провела рукой по экрану, сощурилась, встряхнула волосами и оглянулась. Я сразу же уткнулся носом в свои бумаги. Я знал, что она смотрит на меня, ожидая моего участия, но делал вид, что был занят. В конце концов, ей это надоело.

– Оторвись на секунду от своего отчета и посмотри сюда.

Я нехотя вылез из моего уютного кресла и подошел к столу.

– Взгляни на это поместье. Какой громадный, великолепный, изысканный дом. Тебе нравится?

– Он серый.

– Ну тебя. А природа, какая природа вокруг. Все выглядит таким смиренным, спокойным. Знаешь, я не хочу жить в этом доме и не хочу владеть им, но мне бы хотелось наполниться этим спокойствием, как губка, впитать в себя все до последней капли и так жить и ни о чем не волноваться. И как ты можешь говорить про серый цвет? Смотри, все вокруг утопает в пышной зелени.

– Ну положим.

Вдруг она вскочила и, повысив голос, затараторила.

– Я так устала от тебя и от всего этого. Здесь все бледное и белое, и все поблескивает и сверкает. Тут нет других цветов. Здесь все бесцветное, понимаешь? Даже люди все какие-то молчаливые, серые, холодные, с водянистыми глаза-

ми, как рыбы. Они все тут как кисель. С нами даже почти никто не разговаривает.

– А некоторые из них похожи на удавов после обильного ужина. Они тоже такие молчаливые. Они бы нас придушили, но им так лень.

– Издеваешься? – обиделась она.

– И не думаю. Успокойся. Остался всего лишь один год.

– Успокойся?! Ладно, хорошо. Ты видишь, что это?

– Да, цветы.

– Правильно, а ты знаешь, какие это цветы?

Я уставился на экран.

– Не узнаешь? Я тебе помогу. Магнолии, вот это что. Понял? Вот теперь ты успокойся.

Я заулыбался, она тоже. Она демонстративно захлопнула крышку ноутбука, выражая тем самым одержанную надо мной победу.

Глава 1. Встреча

Я так люблю бродить по этому кампусу, особенно в это время года. Многие прогалины, рытвины и трещинки все еще заполнены чистой холодной талой водой. Новые, клейкие, глянцевые, а иногда мохнатые, почти всегда салатного цвета листья с напором выворачиваются из почек. Желтые, белые, розовые цветы, поочередно открывающиеся один за другим, выставляют напоказ свои толстые, пушистые от пыльцы тычинки. Даже грязь весной какая-то чистая и приятно пахнет. Она не такая мерзкая, неприглядная, смердящая, как осенью или в зимнюю оттепель. Летняя грязь тоже достаточно приятная, но она уже попахивает. Свежесть – вот чем хороша весна.

Проходя мимо химического факультета, я решил остановиться около молодой магнолии. Я подошел совсем близко и начал внимательно разглядывать ее. Влажная, шероховатая, серовато-коричневая кора ее была покрыта редкими большими кожистыми листьями. Огромные, кремового оттенка цветы уже распустились и благоухали. Меня всегда возбуждали цветы магнолии. Их толстые и невероятно нежные на ощупь лепестки напоминают кожу век, губ и других прелестных, тщательно скрывааемых от неприличных взглядов мест, которые по молодости временами выставляются на всеобщее обозрение.

Мне было удивительно отметить, что изящные цветущие деревья магнолий превращали это научное и весьма строгое учебное заведение в наивную, радостную, игривую невесту, прячущую свои розовые щечки за прозрачным кружевным тюлем цветочных лепестков.

Да, весна действительно пришла. Время, когда всем нам так хочется бежать быстрее, бродить по ночному полупустому городу и мечтать о романтических приключениях. Да, приключениях и непременно романтических. О, небеса, как же нам здесь не хватает этих приключений. Честно говоря, их нигде не хватает в нашем почти всегда обычном и сером, угрюмом мире. Правда, сейчас этот мир был полон солнца. Он был живой и яркий. Он, скорее, походил на новенький, прямо с конвейера автомобильчик. Его колеса еще не касались асфальта на шоссе. Но вот водитель сел за руль, и этот автомобильчик уверенно, весело и энергично двинулся по дороге, рассекая нагретый солнцем воздух, уносясь вдаль навстречу романтическим приключениям. Так и весь мир был полон несокрушимой уверенности и смело шагал вперед.

Так же и я шагал вперед от дерева магнолии на встречу с профессором Мечник. Шаловливый, порывистый и довольно холодный ветер решил было повертеться вокруг меня, но, увидев молодых студенток, немедленно полетел догонять их. Неожиданным сильным порывом он набросился на них сзади, и они, визжа, как маленькие поросята, шустро

засеменили от него прочь.

От здания Холл Хамильтона, где я с раннего утра обсуждал мой проект с профессором Паннингом (а для меня он просто Джонни), я должен был идти к улице Виноградной лозы, но мне очень захотелось просто прогуляться.

После резкого холодного ветра возле химического факультета я с большим удовольствием подставил лицо весеннему солнцу, которое грело яркими лучами дороги вокруг Клуба студентов. Проходя мимо фонтана, я не смог сдержать улыбку. Фонтан был похож на стиральную машину. Вода в нем бурлила и пенилась от жидкого мыла. Надо полагать, что эта неумная шутка была придумана толстолобыми жеребцами, принадлежащими к одной из студенческих организаций.

Солнце поднялось выше, и стало жарко. Я пересекал широкую парковку около Бидл Центра, направляясь к улице Виноградной лозы. Каждый раз проходя мимо Бидл Центра, в который я почему-то ни разу не зашел, я ловил себя на мысли о том, что он похож на дом британского поместья. Большой ухоженный газон, украшенный редкими кустарниками и деревцами, находящимися под пристальным надзором шести мощных, построенных из красного кирпича башен Бидла. Это здание было построено с любовью и комфортом.

Вообще-то все в университете было построено и расположено весьма комфортно. Только одну вещь я никак не могу принять и понять и, возможно, никогда не пойму – совре-

менное искусство. Некоторые экспонаты выглядят, конечно, ничего. Скажем так, они если и некрасивые, то, по крайней мере, интересные. Остальные, по моему мнению, просто уродливые и ненужные, а некоторые так уж прямо аморальные, я бы сказал. Одна такая фигура – не что иное, как репрезентация огромной синей какашки, стоит где-то около Лид Центра. Если не верите, то пойдите и убедитесь воочию. Многие мои друзья и коллеги сходятся со мной во мнении по поводу этой скульптуры.

Ну, хватит об этом. Я вышел на улицу Виноградной лозы и тут же спохватился, что совершенно не знаю, где мне ждать машину, которая должна за мной приехать. Вдобавок ко всему события, относящиеся к моей встрече с профессором Мечник, были покрыты мистикой. Например, сегодня утром, когда я пришел спросить о деталях, у меня вышел следующий разговор с факультетской секретаршей.

– Доброе утро, Шерон.

– Доброе утро, профессор.

– Как у вас дела?

– Спасибо, превосходно. Что я могу для вас сделать?

Она посмотрела на меня и одарила казенной улыбкой. Эта улыбка означала: «Я буду с вами мила только потому, что мне за это платят».

– У меня сегодня назначена встреча с профессором Мечник, и мне нужен адрес, если вас это не затруднит.

– Агааааа.

Она подняла свои мастерски нарисованные брови и как-то странно протянула это «ага». Потом она нарочно долго поворачивалась на стуле, встала и как улитка поползла к шкафу с папками. Мне было неприятно чувствовать, что она пытается досадить мне.

– Ну, значит, вы все-таки решили пойти на встречу с этими псих... амамамммм.

Она замолкла на полуслове и странно улыбнулась, слегка покачивая головой так, что ее невообразимо длинные дешевые сережки захлопали по ее шее.

– Я извиняюсь, что вы сказали, Шерон?

– Не берите в голову, профессор. Мне бы не хотелось испортить вам удовольствие от первого свидания.

Вот она, эта Шерон. Неудивительно, что все студенты называют ее «английская булавка». Никогда не знаешь, в какой момент она расстегнется и уколет.

Шерон дала мне маленькую записку, которую я должен был показать «им». Потом она пробубнила, чтобы я был вовремя на улице Виноградной лозы, где «они» могли бы меня видеть. Обо всем остальном она позаботится сама.

Ну хорошо. А кто такие, эти они? Не люблю я этих секретностей. Это деловая встреча между профессорами для работы, а не для увеселения. К чему вся эта ерунда? И как это было заметно, что ни нашей секретарше, ни, возможно, половине факультета физики не нравится человек, с которым я шел на встречу.

Однако для меня не было никакой разницы, что все они об этом думали. Я уже три дня подряд не мог сосредоточиться ни на чем другом, как на моем научном проекте. Моя теория по пространственно-временным сферам, более известная под названием дисперсионных носителей, не получила достаточной поддержки среди исследователей в этой области.

Профессор Гейнер, имеющий огромное влияние в этой сфере, своим обзором почти полностью разрушил мои доказательства, опубликованные в моей последней статье в журнале «Абстрактная физика». Он говорил, что АННА (аналог нейтральной непроницаемой аэробной капсулы для межпространственных перемещений, адаптированной для человеческого тела), и только АННА представляет собой будущее науки, изучающей межпространственные перемещения. Все силы должны быть брошены на разработку и улучшение АННА, и это единственный путь к успеху для молодых научных сотрудников. Сферы же, и я цитирую, «слишком фантастичны, чтобы быть правдой».

Представляете мое состояние? Я был весьма расстроен. Мне просто необходимо было заручиться сотрудничеством для завершения моей работы. Я думаю, что не стоит объяснять, что после такого обвинения мне позарез нужен был кто-то, кто мог бы восстановить мою репутацию. В дополнение ко всему недавний кризис в Соединенных Штатах, как и в 2008 году, не позволял рассчитывать на финансовую под-

держку со стороны правительства. А такое имя, как профессор Мечник, гарантировало получение денег для моей лаборатории, по крайней мере, на год.

Чтобы отвлечься от пасмурных мыслей, я стал думать о всяких не совсем приличных шалостях. К примеру, я мог бы подбежать к молоденькой куколке и ущипнуть ее за пухлые мягкости. Еще я мог бы украсть невесту, но что мне тогда с ней делать? Глупости все это и трата моего бесценного времени, но все же мне удалось поднять себе настроение.

Часы показывали 10 утра. Где же мне их ждать? Я решил ждать около здания, похожего на заброшенную школу. Но это была вовсе не школа. Как я узнал от одного из уборщиков, позади этого здания располагается секретная лаборатория, в которой производились эксперименты над животными. И вообще, он слышал, что разные странные, никому не понятные вещи происходили с этим зданием, но какие именно, он не знает. А мне, собственно говоря, никакого дела до этого не было. Мне просто показалось, что это место как нельзя лучше подходило для ожидания. Никого не было, и я снова предался своим забавным мечтам о молоденьких девушках. Я настолько замечтался, что и не заметил, как на другой стороне дороги остановилась белая машина, и водитель уже довольно долго наблюдает за мной.

– Профессор Лепски?

– Да, это я.

– Райан.

Он лихо развернул свой минивэн и подкатил ко мне.

– Залезайте, профессор.

«Они. Глупая Шерон», – подумал я, улыбнулся и закрыл дверь минивэна. Райан пожал мне руку.

– Хорошая у вас машина, Райан.

– Не жалуясь. Антикварная. Без переделок. Так куда мы едем, сэр?

Его вопрос показался мне странным. Я думал, что он в курсе дела. Я отдал ему записку от Шерон. Он начал пристально изучать этот листок. Пока он сопел над запиской, я окинул взглядом его автомобиль. Я заметил, что Райан не носил считывающего головного обруча. Это наводило на мысль, что он, скорее всего, классный водитель, если ему разрешено не использовать магнитную линию.

– Так, значит, на Восточное отделение, очень хорошо. Пристегните ремни, пожалуйста.

– Скажите, Райан, а вы долго служите при университете?

– Уже как 25 лет. А вы здесь новенький?

– Да. Я здесь всего второй год.

– А откуда? – он переключил коробку передач, и машина побежала быстрее.

– Из штата Коннектикут.

– Ну тогда добро пожаловать в Линкольн, Небраску, мой дорогой профессор. Как вы считаете, профессор, заработал себе старый корнхаскер вечеринку от университета за 25 лет

или нет? – он разразился скрипучим смехом.

– Скажите, Райан, а вы знаете профессора Мечник?

– Знаю, как же не знать такую видную фигуру? Очень странная, но приятная личность. Я бы сказал, что вас ожидает сюрприз. Это прямо как когда мы с ребятами поехали поохотиться и порыбачить на Аляску. Какое это было время, прекрасное время...

И он углубился в воспоминания о своем активном отдыхе, которые плавно перешли в описание его супруги и трех дочерей, одна из которых была замужем за иностранцем. Он продолжил рассказывать обо всех своих многочисленных внуках и их школьных достижениях. В промежутках между рассказами он неожиданно вставлял следующие советы: «Вот в этой забегаловке готовят очень хороший суп, а вот в этом магазине скидка на дрели, а вот тут хорошо чинить машину. А вот здесь ни в коем случае нельзя превышать скорость, так как с семи до девяти утра в здешних кустах сидит полицейский с радаром». И он снова возвращался к описанию всевозможных семейных торжеств.

Через некоторое время я перестал его слушать и просто вежливо кивал и говорил: «Да, да, это очень интересно». Я смотрел на улицы, проносящиеся за стеклом машины. Многие из них уже облачились в роскошную зелень деревьев катальпы. Скоро эти деревья покроются множеством белых цветов, и цикады, сидящие в кронах, будут орать как ненормальные металлическими голосами всю ночь напролет.

Несмотря на то, что Райан был очень вежливым и приятным человеком, его болтовня утомила меня. Я очень обрадовался, когда наша машина свернула с главной дороги на улицу под названием Кольцо Восточного кампуса.

Пока мы медленно ехали до нужного здания, я не мог не заметить, что это отделение университета отличается от того, которое находится в центре Линкольна. Здесь было намного больше зелени и намного меньше людей. За все время движения по Кольцу я увидел только пару студентов, расслабленно шагающих и поедающих сэндвичи.

– Вот мы и приехали, – раздался голос Райана. – Ближе подъехать к Центру я не могу. Такие у них здесь установки.

Я поблагодарил его и вылез из машины. В ту же секунду молодой весенний бодрящий ветер так сильно ударил мне в лицо, что я закашлялся, и у меня заслезились глаза. Ветер принес с собой невидимую клейкую упругую паутину, которая крепко прилипла к моему лбу, и я долго не мог от нее избавиться. Понаблюдав за моими тщетными стараниями, Райан рассмеялся и поехал по своим делам. Я помахал ему вслед и пошел, оглядывая все вокруг.

Остановился я около огромного солидного здания, на котором красивыми большими буквами было написано: «Центр кармологии и прикладных духовных наук». Это здание выглядело как-то странно. Скорее всего, это было оттого, что, в отличие от окружающей природы, Центр стоял на голом пустыре. Центр был построен недавно, и природа

еще не успела связать вокруг него свою зеленую шаль. Вот он и стоял, совершенно голый и ничем не прикрытый, «Центр кармологии и прикладных духовных наук».

– Вот мы и приехали, – повторил я слова Райана.

Я направился к входной двери. Дверь была заперта. Тогда я приложил свою карточку к электронному замку и дернул за дверную ручку. Ничего не произошло. Я еще несколько раз для верности подергал дверь, но это только подтвердило факт, что здание было закрыто.

Тогда я начал искать кого-нибудь, кто мог бы мне помочь: курильщиков, студентов, службу доставки. Но, к моему сожалению, вокруг не было ни души. Здание также не имело больших окон, через которые кто-то мог меня заметить и впустить внутрь. Я было решил посмотреть, что там написала в записке Шерон, но тут же спохватился, что записка осталась у Райана.

– Прррревосходно.

Я обошел Центр в поисках запасного входа, но моя маленькая прогулка не увенчалась успехом. Я оглядел здание Центра еще раз. В целом, я пришел к заключению, что план постройки «этой жемчужины архитектуры» не включал в себя наличие окон и других, кроме входной, дверей на первом этаже. Весь периметр здания был наглухо залит каким-то блестящим, сероватого оттенка материалом, похожим на бетон, а может, это и был всего лишь полированный бетон. Только редкие крохотные оконца, беспорядочно разбросан-

ные выше уровня бетонной заливки, глазели на меня.

Ну какая все-таки это была гадость, что дверь была заперта и что никто не вышел меня встречать. Я позвонил на факультет физики, но никто не взял трубку. Шерон, наверное, уже ушла на ланч. Я сел на бордюр. Настроение у меня испортилось. Я уставился на Центр кармологии и прикладных духовных наук и подумал: «Без окон, без дверей полна горница людей». Это меня рассмешило, и я начал громко хохотать.

Неожиданно маленькое незаметное окошечко на третьем этаже резко со скрипом распахнулось, и в него высунулся очень сердитый мужчина.

– Вы что орете здесь? Вам тут не базар! – закричал он.

Я подпрыгнул.

– Кто? Я? – я растерялся от изумления.

– Вы кто? – продолжал он.

– Простите? Ах, да. Профессор Лепски, – я никак не мог прийти в себя.

– Что вы здесь делаете?

– Кто? Я?

– Но не я же! Что вам надо? – казалось, что он теряет терпение.

– Я хотел бы войти.

– Пароль.

– Простите, какой пароль? О чем вы говорите? Нет у меня никакого пароля. Я извиняюсь, вы...

– Профессор Лепски, так вас звать?

– Да, совершенно верно.

– Я здесь с вами не в игрушки играю. Пароль или катитесь отсюда.

Я остолбенел от такой нескрываемой грубости.

– Простите, конечно. Но я действительно не знаю никакого пароля. У меня его просто нет. Когда я сюда собирался, мне никто ни о каком пароле не говорил. Дайте-ка я позволю нашей факультетской секретарше. У меня здесь встреча назначена с профессором Меч...

Он не стал меня слушать и с треском захлопнул окошечко. Я разозлился. Ерунда какая. Они здесь все что, с ума посходили? Я снова сел на бордюр. Весеннее солнце плавно выползло из-за облаков и уставилось на меня.

– Да брось ты обижаться. Взгляни, какая погода, – сказала оно и быстро начало нагревать воздух. Через несколько минут стало так жарко, что поднимающийся над дорогой горячий воздух создавал иллюзию воды перед кучкой кустов, растущих неподалеку. Краем глаза я заметил, что что-то шевелится в этих кустах. «Кошка или собака», – подумал я и потерял интерес. Каково же было мое удивление, когда из кустов вышла огромная черная овца. Она встала на дороге, мирно жуя и потрясывая головой. Этого я никак не ожидал. Чем дольше я смотрел на овцу, тем больше мне казалось, что она улыбается и подмигивает мне. Я закрыл лицо руками и начал быстро тереть его. «Неужели у меня галлюцинация?

И с чего бы?» – пронеслось у меня в голове. Я закрыл глаза, а когда открыл их, к моему счастью, овцы уже не было. «Может быть, я перегрелся?» Чтобы убедиться, я быстро огляделся, не стоит ли овца в другом месте. Я мог вздохнуть спокойно: овцы не было. «Проклятые видения. Надо бы перекусить. Уже почти полдень, а с голодухи чего только не привидится», – снова подумал я.

– Не желаете ли войти, профессор? – донесся довольно приятный голос сзади. Я обернулся и увидел жизнерадостного стройного хорошо одетого блондина средних лет. Он стоял, держа дверь нараспашку, и улыбался. – Вы, наверное, устали ждать снаружи? – продолжил он своим мягким тоном.

– Да, – ответил я и постарался придать своему лицу выражение обиженной важности. Блондин не обратил на это никакого внимания, а просто протянул мне руку.

– Меня зовут Андрей Симбол, профессор.

– Очень приятно, – пробубнил я, и мы обменялись рукопожатием.

– Пожалуйста, входите. Я провожу вас к терминалу, – Андрей весьма галантно сделал приглашающий жест.

– Терминалу?

– Меня попросили вас доставить, но у меня сейчас совершенно нет на это времени, – сказал Андрей, не отвечая на мой вопрос. – Видите ли, профессор, все, о чем мы мечтаем, все наши нужды и желания, все это может оказаться за углом. Как вы считаете, профессор? – он мне подмигнул.

– Я даже не знаю. Возможно. О каком именно угле вы ведете речь?

– А вот об этом. Вот об этом самом, – он указал на серую стену впереди. – Идите туда и заверните за угол. Она вас там встретит.

Я посмотрел на стену.

– А кто она и как?..

Я обернулся, но его уже не было. Мне стало непонятно, как он мог так быстро исчезнуть из моего поля зрения, прямо как овца. Я надеялся, что Андрей не был видением. Его удаляющиеся шаги говорили мне, что он, скорее всего, был настоящим. Но какие странности происходят со мной сегодня. Когда я перестал слышать шаги Андрея, мне стало не по себе в этом пустом, плохо освещенном холле. Необычно было видеть научный центр без нервных студентов, несущихся по коридорам сломя голову, без научных сотрудников с большими чашками кофе, громко обсуждающих недавно опубликованные статьи, без профессоров, жмущихся к стенам, чтобы их никто не заметил. Я снова был совершенно один. Да, я был внутри, но положение дел не изменилось.

Я еще раз посмотрел на стену. В этот раз я заметил большую доску с надписью:

*«Две искорки столкнулись невзначай, и в тот же час
Без бога этот мир построил нас».*

Мартэн Аншьер

Очень интересное заявление.

Я подумал и решил, что выбор у меня был следующий: либо бродить по пустому серому холлу в одиночестве, разглядывая всякие не совсем понятные цитаты на досках (благо такая доска была только одна), либо завернуть за ранее упомянутый угол, что я немедленно и сделал.

Я оказался в похожем плохо освещенном холле, переходящем в длинный коридор, в котором через несколько секунд погас свет. Стены начали перемещаться в правую сторону, и я начал чувствовать себя так, как будто я сидел в идущем на посадку самолете. Мой желудок уперся мне в горло, что вызвало невыносимую изжогу. Воздух стал густым, и мне стало трудно дышать. Пространство вокруг меня съезжилось. Я слышал звук капающей воды и видел мигающие лампочки. Откуда-то прорезался ужасно резкий звук лязгающего и скрежещущего металла и ударил мне по ушам. Потом низкий, тяжелый бас произнес:

– Пассажир прибывает. Шаттл номер один.

Тут же все как-то быстро перевернулось, и я сильно ослаб. Колени мои подогнулись, и я оперся на ржавую металлическую стену. У меня закружилась голова. Я не мог понять, где я и что происходит. Через несколько минут мое болезненное ощущение развеялось, и я увидел, что стены бункера, в котором я находился, поворачиваются. Они со скрипом остановились, и все сооружение, казалось, рухнуло наземь, отчего меня слегка подбросило. Невероятно противный высокий

голосок произнес.

– Живой организм прибыл. Пожалуйста, заберите. Шаттл номер один, карман номер один, текущая платформа номер десять.

Включился свет. Я увидел, что стою все в том же холле и упираюсь в стену. В ушах у меня звенело, и в голове раздавался этот мерзкий голосок: «Пожалуйста, заберите. Шаттл номер один, карман номер один, текущая платформа номер десять». С меня было довольно. Я направился к выходу с твердым решением убраться отсюда как можно быстрее и спокойно завершить этот день в моей лаборатории. Я открыл дверь, вышел на улицу и замер.

Передо мной стоял Бидл Центр. Я находился со стороны, выходящей на парк Траго. Солнце палило нещадно, и я прикрыл глаза ладонью. За большими, во всю стену, окнами я увидел множество снующих туда-сюда людей. Мир снова ожил.

Я направился к зданию Бидла, беспокойно озираясь и пытаюсь понять, происходит ли все это на самом деле или нет. Около входа я увидел двух курящих женщин, одетых в белые лабораторные халаты. Они энергично беседовали, пили кофе из бумажных стаканчиков и нервно курили. Одна из них меня заметила и, попрощавшись с другой, сказав «договорим позже», пошла по направлению ко мне.

– Профессор Лепски?

– Да, кхе, да, – мой голос прозвучал тихо, так как я все

еще не оправился от путешествия в бункере.

– Ну наконец-то. Что вас так задержало, мой уважаемый? – ее восточноевропейский акцент прорезал воздух, как звук выстрела.

У меня не было сил объяснять мои утренние приключения, и я просто ничего не ответил, а поинтересовался.

– Простите, а с кем я имею честь разговаривать?

Она подняла рыжие брови и ухмыльнулась, выражая свое изумление.

– Профессор Мечник, естественно. Руслана Владимировна Мечник.

– Теодор. Теодор Лепски.

Мы пожали друг другу руки.

Глава 2. Банда исследователей

– Профессор Мечник.

– Ах, боже мой, Теодор, Руслана, просто Руслана.

– Хорошо. Тогда зовите меня Тед, если вас не затруднит.

Профессор, простите, Руслана, что все это значит? Бидл? Здесь? Я не понимаю.

– Не волнуйтесь, Тед. Вы просто в шоке. Мы находимся внутри искусственного кармана пространства, который стоит на жидкой платформе постоянного движения. Это дает нам возможность противостоять течению пространства и оставаться на месте. Иначе мы не могли бы принимать гостей снаружи.

– Настоящий шаттл пространства? – воскликнул я.

– Да. А что вы думаете, раз в Небраске, значит, все уже второй сорт? Мы здесь работаем, а не кукурузу жуем!

– Я ничего такого не имел в виду.

– Ах, боже мой, да я знаю. Просто шучу. Пойдемте. А согласитесь, Тед, ведь это же превосходнейшее место для того, чтобы лечь на дно, а?

– Абсолютно.

Сейчас, смотря на Руслану, я понял, почему Шерон и многие другие недолюбливали эту женщину. Ее наружность была, скорее, отпугивающей, нежели притягательной. Огромная копна похожих на паклю, окрашенных в рыжий цвет во-

лос, кое-где перемежающихся с прогалинами седых корней, обрамляла ее узкое холодное лицо. Стекланные холодные зеленые глаза, длинный, тонкий, острый нос и тонкие, плотно сомкнутые губы, плохо подобранная косметика – все это имело совершенно неприглядный вид. Худощавая, еще весьма атлетическая фигура, облаченная в грязный лабораторный халат, пожелтевшие зубы – все было дополнено жестким, лающим восточноевропейским акцентом. Естественно, что такая внешность могла выбить из колеи нашу факультетскую секретаршу и многих других, но не меня. Я и не такое видел на факультете абстрактной физики, работая над моей кандидатской в Йельском университете.

Руслана открыла дверь и любезно пригласила меня войти. Как только мы пересекли порог Бидла, кто-то окликнул ее. Этот человек несся к нам на всех парах. Глаза его были навыкате, и он громко и быстро говорил что-то невнятное о неправильном расписании, комиссии и провалившемся эксперименте. Руслана терпеливо выслушала его и, обернувшись ко мне, спросила:

– Тед, не могли бы вы подождать меня около получаса? Это ужасно важно, мне необходимо разобраться с этим делом прямо сейчас. Вас это не затруднит? А чтобы вам не было скучно, я попрошу Гошу показать вам нашу лабораторию. Договорились?

И не дожидаясь моего согласия, она развернула тоненькую пластинку портативного организатора ресурсов «Па-

трон-2» и, попросив одного из подчиненных встретить меня около лифта, удалилась по важным делам.

– Пррревосходно.

Мое самолюбие было ущемлено. Хотя, с другой стороны, я был рад, что в эту самую минуту мне не придется обсуждать с ней мой проект, потому что я действительно устал и был голоден. Мой желудок громко урчал. Вопрос, где бы хорошенько перекусить, снова и снова приходил мне на ум. Я мог бы пойти в «Шер-и-Панджаб», или пройтись с моими студентами в центр города и налопаться жирненькой лапши в «Спагетти Воркс», или заказать отменный стейк-сэндвич в закусочной «У Дузи». А вечером, после партии в теннис с Джонни, поехать в восхитительный, по моему мнению, мексиканский ресторан «Мазатлан» и насладиться огромным бокалом «Маргариты» и мидиями или куриным буррито.

Все зависело от моего распорядка дня и моей лени после окончания деловой встречи. Ах, да, еще мне необходимо было поработать над грантом и уделить должное внимание моим студентам. Ха, моим студентам. Интересно все-таки, как так случается, что профессор и аспиранты существуют в своего рода симбиозе? Течение моих мыслей было прервано внезапно раскрывшимся лифтом, из которого вразвалку вышел полноватый, рыхлый мужчина с выражением вселенской скорби на лице.

– Вы профессор Лепски? – осведомился он слабым, кис-

ЛЫМ ГОЛОСОМ.

– Да, – бодро ответил я. При виде этой персоны мою усталость как рукой сняло. Мне ужасно больно было смотреть на него, и я ни в коем случае не хотел на него походить. Поэтому с этого момента я старался держаться бодрячком.

– Гоша. Ну пошли, что ли, посмотрим на лабораторию, только чего на нее смотреть, чего вы там не видели, я не знаю, – прогнусавил Гоша.

Мы вошли в лифт, и он нажал кнопку пятого этажа. Лифт медленно пополз вверх.

– С каждым днем погода становится все жарче и жарче, вы не находите? – сказал я, чтобы прервать неловкое молчание.

– Да, наверное. А тут так все время. Сначала с утра ужасно жарко, а через несколько часов слишком холодно. Это ж Линкольн, Небраска, не Сан-Диего какой-нибудь. Чего вы ожидаете от Мухосранска? – он хрюкнул и повернулся к стене.

Насчет погоды Гоша был прав. Особенно летом жара в Линкольне была непереносимая. Летом мне всегда приходилось глотать тонны тайленола и экседрина, чтобы утолить сильную головную боль. Летом меня нередко звали на озера, но я всегда отказывался. Меня не прельщает смотреть на выжженную солнцем пожелтевшую траву, быть кормушкой для комаров и, как в бане, покрываться потом с ног до головы. Я не выезжаю на озера, а сижу дома с включенным на полную катушку кондиционером, хожу в закрытый бассейн, а вече-

ром жарю мясо на гриле, попивая освежающие напитки.

Пока мы были в лифте, у меня зародилось подозрение, что я Гошу где-то уже видел. Я напряг мозги и, к своему изумлению, узнал его. Это его голова торчала в оконце и грубила мне.

Лифт остановился. Двери плавно разъехались, и мы были оглушены громким приветствием. Огромная фигура веселого и весьма симпатичного, я бы сказал, мужика, преградила нам путь. Этот верзила так активно улыбался, что мне стало смешно.

– Ну, привет, привет. Чего ты выперся сюда? Не видишь, мы заняты? – сказал Гоша, стараясь сдвинуть этот небоскреб с места.

Гошины попытки были тщетны. Небоскреб просто протянул мне руку поверх Гоши, схватил меня за плечо и совершенно бесцеремонно выволок из лифта. После чего он с горячим энтузиазмом прогремел:

– Данила Павлович, твой друг и коллега, профессор Лепски. Пойдем, пойдем, мой дорогой друг, сюда.

– Спасибо, – почему-то пробормотал я и пошел следом.

Точнее, не я пошел за ним следом, а он своей могучей рукой, как бульдозер, потащил меня за собой. Я заметил, что у него странная походка. Я посмотрел на его стопы и увидел, что одна из его сандалий была порвана. Причем я еще подумал: «Сандалии в лаборатории?»

Гоша семенял позади. Сперва мы шли в молчании,

и вдруг Гоша принялся ныть.

– Мой эксперимент пропал.

– Замолчи. Это никому не интересно, – отрезал Данила.

– Нет, ты меня послушай.

– Десять раз уже слышал эту историю. Диссоциируй в пространстве.

– Нет, ну тогда пусть вот, профессор Лепски узнает, какого рода политическую игру они ведут на этом факультете.

Данила только махнул рукой – мол, давай, но только быстро. Гошу это устроило, и он продолжил.

– Я работал над этим всю неделю. Сначала мои клетки переросли. Я их рассадил, и что же, вы думаете, произошло?

Он замолчал, ожидая моего ответа. Мне очень не хотелось участвовать в этом разговоре. К сожалению, другого выхода не было. Оставить его вопрос без внимания было бы невежливо. Я, так сказать, попался. Вкрадчиво, по возможности стараясь быть деликатным, я сказал:

– Простите, Гоша, я не биолог. Я не понимаю всех тонкостей выращивания культуры клеток. Так что же произошло?

– Да ничего особенного. Они все сдохли, – вмешался Данила и тихонько засмеялся.

Гоша печально вздохнул.

– Да, они все усохли. Эти тухлые нейроны улиток. Я же им еще в начале говорил, я их предупреждал, что у меня нет опыта работы с нейронами, так нет же. Мне отвечают, что все лаборанты заняты и не могут мне помочь. Они все направ-

лены на обеспечение и поддержание лаборатории профессора Комиама. А мне что прикажете делать? А теперь вот они переместили меня на третий этаж, а там столько окон. У меня же такой чувствительный эксперимент. Мой аппарат будет принимать все посторонние мысли. Как в случае с вами, профессор Лепски. Но нет же, они мне талдычат, что, мол, подвал здания предназначен только для тяжелых и сверхчувствительных приборов, как духовная камера «Ziess» или микролайдер пространства. Что, пол третьего этажа проломится под их весом? Вот, например, доктор Абрамов (он показал на Данилу) поставил свой амплификатор иллюзий Когитари на третьем этаже, и ничего, пол его держит. Правда, они обещали мне инсулировать мою комнату импедиментумалом, но когда, позвольте мне вас спросить?

И он снова замолк, возбужденно сопя. Ну что мне оставалось делать?

– Когда?

– Никогда, говорю я вам! А потом они спрашивают о результатах, – очень довольный собой, он завершил повествование о своих неудачах и тотчас же исчез в ближайшем офисе.

– Не слушайте его, Лепски. Он все время жалуется. Его хлебом не корми, дай понуть. Вы для нас здесь желанный гость. Вы мне лучше скажите, мой дорогой друг, вы ничего снаружи не видели? Что-то необычное, странное? – поинтересовался Данила.

Его вопрос привел меня в некоторое замешательство.

– Ну как вам сказать. Да, я видел несколько странных, необычных вещей сегодня. Данила, а почему вы не предупреждаете людей о кармане?

– А, Лепски, правила, установки, не разрешают нам. А потом, смотреть на выражения лиц после перемещения – одно удовольствие.

– А кто там живет? Кто анонсирует приход пассажиров?

– Это все штучки инженеров, чтобы все кому не лень по карманам не лазали. Чтобы неповадно было. Да забудьте вы про шаттл, Лепски, что вы все-таки видели снаружи? – не отступал доктор Абрамов.

Мне было неловко говорить о моих недавних видениях, но возбужденные глаза Данилы сверлили меня. Видно было, что он жаждет моего ответа и немедленно. А, черт с ним.

– Видел. Видел улыбающуюся черную овцу.

– Ага! Это я, я послал к тебе эту овцу. Впечатляет? Просто восхитительно, – в восторженном волнении он начал тереть руки. – А она тебе подмигивала, Лепски? – он был вне себя от радости.

– Должен признаться, что подмигивала.

– Вот это да! А что еще? Лепски, ты видел еще что-нибудь? – взбудораженный Данила светился от восторга.

– Что еще? Хм, да кажется, все.

– Точно? Ты подумай.

Я сделал вид, что подумал, и повторил, что больше ничего

необычного не видел до путешествия в шаттле.

– Ничего, – печально повторил доктор Абрамов и незадолго медлительно скуксился.

– А что я должен был увидеть? Может быть, вы посылали мне пароль? – попробовал отвлечь его я.

– Пароль, нет, какой пароль? – отрешенно спросил Данила и стал смотреть поверх меня пустым взглядом. Я понял, что он находится вне нашего разговора. Но я не сдался.

– Снаружи Гоша спрашивал меня о пароле.

Мое заявление вернуло доктора Абрамова из мира научных тревог в коридор карманного Бидла.

– Гоша? Снаружи? Не может быть.

– Я вас уверяю, Данила, это был несомненно он. Он на меня ругался из окна.

Данила залился здоровым громовым смехом.

– Нет, нет, нет, нет, нет. Это он просто шутил, Лепски. Шутки у него такие.

Потом он постоял в задумчивости несколько секунд и пробурчал себе под нос:

– Значит, передовой приемник все-таки барахлит, а может, интерференция пространства, или стимула не хватает, текучесть тоже изрядная. Эх, не получилось. Надо снова налаживать, – а потом гораздо громче, – ладно, пойдем, Лепски, я тебе покажу нашу комнату оборудования.

Мы прошли немного дальше, и Данила совсем заковылял. Сил моих терпеть этот порванный сандалет не было, и я

спросил:

– Отчего же вы, Данила Павлович, не почините вашу сандалию? Вам бы было гораздо удобнее.

– Слушайте, Лепски, вот вы же росли и учились в интеллигентной семье?

– Мне хотелось бы в это верить.

– Ну так чего же вы? Могли вы моего сандалета не заметить?

– Н-да.

Он провел карточкой по сканирующему устройству и открыл маленькую дверь. Сильный толчок ледящего воздуха чуть не сбил нас с ног.

– Кхе, кхе, что за дьявол? – в смятении воскликнул я.

– В этой комнате такой кондиционер, раздает всем холодные оплеухи, черт его подери, – сказал Данила, вытирая заслезившиеся глаза. – Вот она, святыня кармологов и естествоведов, комната оборудования, – он обвел ее изящным жестом огромной руки.

Среднего размера комната была до отказа заполнена различными приборами, огромными морозильниками, инкубаторами и ультрацентрифугами. Они стояли на полу и громоздились друг на друге, висели на стенах, уютно сидели на тяжелых столах и томились под ними – казалось, каждый миллиметр этой комнаты был занят.

Данила провел меня сквозь комнату и направился к еще одной маленькой дверце. Плавное движение руки доктора

Абрамова через сканер – и дверь автоматически отползла в сторону. Мы вошли. Маленький автоклав тотчас изрыгнул на нас клуб теплого пара. Кроме автоклава, приборов, находившихся в этой комнате, я никогда не видел или видел всего лишь несколько раз. Мое любопытство разгорелось.

– Эй, Лепски, смотри сюда. Это гордость нашей коллекции. Сокровища, так сказать, Агры. Квинтометр, машина магнитрисити, миниколлайдер пространства и модель сферы.

– Сферы?!

– Да.

– Но позвольте. Это же...

– Я знаю, знаю, Лепски, ты не волнуйся. Все сделано по инструкциям из твоих статей со ссылками.

– А она работает?

– Еще нет. Точнее, мы не знаем, но, возможно, с твоей помощью.

– Скажите, Данила, а что вы измеряете квинтометром?

– Помилуй, Лепски, ты что, вчера родился, что ли? Поток квинтэссенции, ессесьнно.

Он подошел к одному из приборов и любовно похлопал его по боку.

– Видишь эту штуку, друг Лепски? Это моя специальность, моя страсть, так сказать, и любовь, – Данила погладил этот большой серый металлический ящик. – Это интегрированная световая система высокой интенсивности для достав-

ки мозговых волн. То есть направленная телепатия.

И так как я ничего не сказал по этому поводу, доктор Абрамов стал излагать детали своего проекта. Я слушал с неподдельным интересом и, поскольку я был профаном в некоторых аспектах его работы, задавал шокирующие его вопросы.

– А как это работает?

– Направленная волна заставляет вас видеть галлюцинации. Вы принуждены считывать мои мысли, точнее, расшифровывать мои мозговые волны. Система амплифицирует подаваемый от моего мозга сигнал, и он становится очень сильным. Сигнал перекрывает ваш мозговой приемник, и вы видите то, о чем я думаю. Это нормально для всех людей, мы все можем это делать, но есть одно «но». Для сильного сигнала вам критически необходимо сконцентрировать все ваше внимание на единственном объекте и пребывать в таком состоянии несколько часов, а с машиной все делается в два счета и через уровни.

– Вы верите в существование орбиталей?

– А ты нет?

– Честно, не знаю. Никто ведь еще удачно не переносился. Нужны веские доказательства.

– Подожди, друг Лепски, будут тебе и доказательства. Скоро, очень скоро мы доберемся до истины, и она предстанет перед нами во всей красе своей и царской короне. И будет бить стальным жезлом и пинать ногами тех, кто гнал нас

и глумился над нами, и тогда...

И тогда доктора Абрамова понесло. Даже когда мы покинули комнату оборудования и переместились в самую лабораторию, он все еще вещал подобным образом. Замолчал он, лишь когда мы наткнулись на уже знакомого мне Гошу и ужасно похожего на Гошу брюнета. Они спорили, стоя между ламинаром и морозильником с желтой наклейкой «Осторожно, радиоактивность». Гоша держал в руках обледенелую упаковку с шестью банками пива. Лицо его выражало тревогу.

– Опять ты надрался, господин хороший. Я тебя в последний раз предупреждаю, Феликс, не клади пиво в морозильник, а то я на тебя в следующий раз натравлю комиссию по безопасности. Понял? – говорил Гоша с раздражением.

Так же, как и на Данилу, слова Гоши не произвели никакого эффекта на Феликса. Феликс неприятно хихикнул и ответил пьяненьким голосом, язык у него порядочно заплетался.

– Ну шего ты, Гога, бузись зра? Я поналошку. Феликс не пьем на лаботе. Феликс никак не мжжить бить надрался. Всего лишь суть суть. Га, – он картинно хлопнул себя ладонью по груди и сел на вертящийся стул перед ламинаром.

Лаборатория наполнилась сильным запахом спиртного.

– Гад ты иногда, Феликс Соломонович, – понуро ответил Гоша.

– По клайней мейе, я не мосусь в лаковину как нехоторые.

– Елки-палки. Так. Здесь смотреть не на что. Пошли поедим, Лепски. Мы тебя покормим вкусной едой, – и Данила в один миг сильнейшим пинком вытолкнул меня в коридор и потащил от лаборатории.

Через пять минут мы были в своего рода гостиной. По сравнению с комнатой оборудования гостиная казалась огромной. В ней находились: длинный, широкий, светлого оттенка деревянный стол, окруженный простыми пластиковыми стульями, среднего размера холодильник и несколько старых шкафчиков. Не знаю почему, но я ожидал чего-то более пафосного и современного.

Данила запихнул меня за стол, приказал ждать и удалился. На короткое время я был предоставлен самому себе. Я почувствовал, что устал и хочу домой, и оставался сидеть в гостиной только потому, что меня обещали накормить вкусной едой. Две молоденькие девушки вошли в гостиную, приятно чирикавая, увидели меня, застеснялись и смолкли. Они встали у стены напротив меня и начали смущенно шушукаться и хихикать, поглядывая в мою сторону. Следом за ними пришла неопрятная престарелая дама с длинными распущенными волосами. На носу у нее сидели очки с толстыми линзами. Она деловито села за стол, не обращая на меня ни малейшего внимания, взяла газету и скрылась за нею с головой. И вдруг народ повалил в гостиную валом. Я посмотрел на часы. Уже было полвторого.

Как это часто бывает, незнакомых людей слегка опасают-

ся. Я думаю, поэтому пришедшие в гостиную люди не спешили садиться рядом со мной. Чтобы избегнуть этой неловкости, я просто начал разглядывать стол. Я сделал следующее наблюдение: стол не имел никакого покрытия, краски или лака. Из-за этого миллионы пятен и царапин вечно будут радовать тех, кто пожелает здесь трапезничать в антисанитарных условиях. Я улыбнулся. Стол мне надоел, и я решил понаблюдать за людьми в гостиной.

Одна молоденькая пухленькая, по всей видимости, китайяночка и рослый кучерявый европеец сели за стол. Китайяночка заливалась розовым цветом, а европеец ее обхаживал как мог.

– Ладно, Сю, ты хочешь знать, какого цвета электрон?

– Что вы такое говорите, доктор Роуздэйл? – она загоготала.

– Поверь мне, Сю, многие студенты скажут что он ЗЕЛЕНОГО цвета. Представляешь?

Китайяночка засмеялась так сильно, что у нее потекли слезы. Довольный доктор Роуздэйл хотел сказать что-то еще, но, к его несчастью, еще один мужчина, подошедший к ним, прервал его.

– Твоя история, Стэн, ничто по сравнению с тем, что я вам расскажу. Вот слушайте. Мои аспиранты задались целью перелить большой объем раствора из одной огромной склянки в другую. Значит, они поставили склянку с раствором на полку, а пустую – на стол и запустили в обе из них

резиновый шланг и ждут, когда под напором градиента давления раствор начнет переливаться. Я подошел посмотреть, что будет, а они мне давай жаловаться, что, мол, не работает. Ну что мне с ними делать?

– И что же вы сделали, Николая? – саркастически поинтересовался доктор Роуздэйл. Николая прищурился и подмигнул Сю.

– Я сказал им, что проблема состоит в том, что у одного раствора слишком большие молекулы, которые просто-напросто в шланг не пролезают, – все трое покатались со смеху.

Под этот здоровый смех в гостиную бодренько забежал жизнерадостный упитанный мужичок лет тридцати и, грациозно виляя кругленьким задком, присел около престарелой дамы.

– Хелена, где доктор Абрамов? – весело спросил он и начал искать его в толпе своими маленькими узкими бегающими глазками.

– С французами не разговариваем. Отзынь, – не опуская газеты, ответила Хелена.

– Шантану, ты мне скажи, где он? Будет ли сегодня? – вкрадчиво обратился француз к человеку, стоящему около двери.

– Будет, Доминик, будет. Он и тебя уконтрапупит, когда разделается с настройщиком масспектрометра.

– А что случилось? – спросил Николая.

– Две недели подряд спек не выдавал ни единого пика. Вот Данила налил альбумина и отнес его на анализ, а настройщик-ку ничего не сказал. А пика снова нет. Данила пошел ругаться и выяснять, что за фигня. Почему спек не откалиброван?

– Понятно, обычная история. Так когда он вернется?

Внезапно из коридора донесся раскатистый рык, который быстро приближался. Все замолчали.

– О, Данила идет, – сообщил Шантану и сел за стол.

Не прошло и минуты, как в гостиную вошел сам доктор Абрамов. Он подошел ко мне, положил громадную ладонь на мое плечо и громогласно объявил:

– Вот наш гость, профессор Теодор Лепски. Прошу любить и жаловать. Анна, ну где вы, сервируйте стол.

Молоденькие девушки тут же оторвались от стены и сели за стол рядом со мной. Их примеру последовали множество голодных служителей науки. Еще две молоденькие студентки начали ставить на стол изрядно использованную посуду, а потом различные мисочки и тарелочки с едой. Началось застолье: со всех концов стола слышались хруст, чавканье и звон посуды.

– Это что? – спросил Шантану.

– Это салат из свежей капусты с майонезом. Вам не нравится, Шантану? – спросила одна из девушек.

– Кто сегодня отвечал за готовку? – спросил Шантану.

– Светлана и Данила, – ответил кто-то.

– Я встречал Лепски и поменялся с Анной, – поспешил

доложить Данила.

– Салат совсем безвкусный, не перченный. В следующий раз положите больше перца.

– Все бы вам, прихожанам из далекой Индии, засыпать перцем, а я вот, может, с перцем есть его не могу. Ты, например, готовил баранину с бобами в прошлый раз. Так я одну ложку в рот положил, и у меня не то что язык, зубы онемели. Во-первых, я остался голодный, а во-вторых, я три дня не мог ни есть, ни говорить, – сказал Данила.

Шантану молча взял перечницу и посыпал салат до тех пор, пока тот сверху не стал черного цвета.

А я радовался моему обществу. Мои соседки оказались на удивление очаровательные. Они флиртовали со мной, дразнили меня и задавали массу вопросов, при этом энергично меня обслуживая.

У нас получалась очень оживленная беседа. В целом в гостиной рев стоял несусветный. Однако Данила (пришелся мне по душе, несмотря на его фамильярности) возвышался над этим ревом, громыхая своим внушительным басом, как Зевс на Олимпе, отчего вся честная компания исследователей Центра кармалогии ликовала и пополнялась энергией.

– Я думаю, что пространственные инженеры пребывают в печали сегодня? – поинтересовался доктор Роуздэйл.

– С чего бы нам печалиться? – спросил Николая.

– Ну как же, волны притяжения, Эйнштейн, круги на поверхности воды, черные дыры и т. д., и т. п.

Николя ухмыльнулся.

– Волны притяжения – это уже устаревший материал. Ты мне лучше скажи, знают ли они что-нибудь о машине, которая измеряет частицы пространства и пространственные течения?

– Пространство, пространство. Да вы просто посмотрите на шахматную доску. Вот вам и проекция пространства – очень четко расчерчена тысячи лет назад. А меня интересует другой вопрос. Что они пытаются найти в одном измерении? Они все меряют и меряют, а толку мало. Они смотрят на палец, в то время как им показывают луну. Они слышат дыхание зверя, но не замечают его следов на тропе. Мало кто хочет признать, что естество – это живое существо, состоящее из множества населенных миров и орбиталей. Вот мы и не можем ничего доказать, потому как не хотим, – отдекламировал Гоша.

– Оставьте это, господа. Мне ужасно интересно, каким образом Эйнштейн знал об этом или наци. Это же не было просто гипотезой, – сказал Шантану.

– Эйнштейн путешествовал. Я уверен, он был на других уровнях, – произнес Гоша.

– Ты имеешь в виду карманы?

– Нет и еще раз нет. Перемещение между орбиталями возможно. А вот и Наталья тебе подтвердит, – Гоша указал на вошедшую молодую женщину.

– Наталья подтвердит что? – осведомилась она, садясь ря-

дом с Данилой.

– Постулат нашего выдающегося кандидата Символа, – горячо ответил Гоша.

– Андрей считает, что времени как такового не существует, а пространство, то есть естество, является живым эфирным существом огромного размера, питающимся различными потоками энергии. Скелет этого существа состоит из населенных складок пространства, то есть орбиталей. Каждая следующая орбиталь могла формироваться только после того, как предыдущая начинала доставлять достаточно энергии. Плотность пространства на орбиталях разная и текучесть тоже, именно поэтому на некоторых из них жизнь развивается быстрее, чем на других. При этом более медленные орбитали не означают отставания в прогрессе, так как они могли сформироваться миллиарды лет до быстрых орбиталей. Вследствие того, что орбитали почти идентичны, также возможны клоны исторических событий. Орбитали пронизаны венами пространства, которые создают тоннели. Он доказал, что теоретически такая модель пространства разрешает перемещение между орбиталями. К тому же памятники истории, археологические открытия и такие эпосы, как Махабхарата, подтверждают его размышления. Только как перемещаться? Этого пока никто не знает. Эти знания или затерялись глубоко в истории, или тщательно скрываются от таких людей, как Гоша, – она подмигнула Гоше и засмеялась.

К ней никто не присоединился, и ее смех одиноко разнесся по гостиной. После столь серьезного объяснения Натальи умы науки уважительно смолкли, а все бурное веселье куда-то улетучилось. Все стало обыкновенным, но все равно приятным.

– Кто это? – тихо спросил я одну из моих соседок.

– Наталья – инженер по отслеживанию кармических линий. Она работает с Русланой.

Все оставшееся время я сидел и наблюдал за Натальей. Это была эффектная женщина, и она мне понравилась: яркие каштановые брови на светлом безупречном лице, укутанном пышными каштановыми волосами, выразительные карие глаза и чувственные полные губы, белые полные плечи и изящные руки. В дополнение ко всему было в ней что-то от Маргарет Тэтчер: цепкость, совмещенная с приятной наружностью.

Мне вспомнилась одна женщина, Лидия, из моего юншества. Я помню, как при любом удобном случае я старался пройти перед окнами ее дома и был весьма счастлив, когда, пускай и редко, она мне улыбалась. Лидия была необыкновенно хороша для своих лет и была предметом моих желаний. Но, увы, я был слишком молод, чтобы воплотить свои мечты. К тому же Лидия вскоре переехала. Я долго грустил о ней, но со временем чувства мои угасли. Я устремил свои силы на построение карьеры на поприще абстрактной физики. Хотя еще много раз вспоминал о моих счастливых про-

гулках под окнами Лидии. Наверное, это она виновата в том, что мне очень нравятся женщины старше меня.

Ланч закончился. Все стали потихоньку расходиться. Я подошел к Даниле осведомиться, а не пора ли мне встретиться с Русланой.

– Елки-палки. Так она же уехала.

– Как уехала? Она же сказала полчаса, а уже прошло два часа, а ты мне говоришь, уехала.

– Извини, друг Лепски, срочные дела, – виновато ответил Данила.

– Знаешь, Данила, это ты меня извини, но это просто невежливо. Я же с ней заранее договаривался. Что же это за дела? Ужасная бестактность.

– Лепски, я тебя очень хорошо понимаю, но что же я могу сделать?

Действительно, ну что Данила мог теперь сделать?

– Ладно. Проводи меня к выходу.

Из проема двери вынырнула голова Доминика, энергично покрутилась и прощебетала:

– Данила, кажется, она у себя. Шантану сказал, что она вернулась и в офисе, – голова еще немного весело покрутилась, а потом быстренько убралась.

– Вот везде влезет, егоза, едрить его за ногу, – сказал Данила, и мы пошли к Руслане в офис.

Офис располагался далеко, в другом крыле здания. «Как бы за это время она куда-нибудь еще не ушла», – по-

думал я. И как назло, когда мы добрались до офиса, на двери белела записка: «Буду через пятнадцать минут». «Вот, зд-
рассьте, пожалуйста. Не везет, и как с этим бороться?» – по-
думал я.

– Да. Лепски, мне надо идти настраивать аппаратуру, а то
я здесь всю ночь буду сидеть.

– Конечно, Данила, вы идите. Я ее здесь подожду.

Данила, ковыляя, пошлепал назад, а я примостился перед
офисом Русланы на симпатичном диванчике неопределен-
ного цвета. Я сидел и ждал, сидел и ждал. Пятнадцать минут
уже давно пролетели, а ее все не было. Мне это безобразие
порядком надоело, но, как говорится, «взялся за гуж, не го-
вори, что не дюж», и я, как часовой у заставы, сидел перед
дверьми, пялился на записку и думал.

Наша жизнь полна коридоров. Мы ходим по ним, в них
живем и работаем, в них же ждем-с. Мы, люди, привыкли ду-
мать, что сильно отличаемся от других живых тварей, насе-
ляющих Землю. А ведь это совсем не так. Мы роем тоннели,
соединяющие маленькие комнатки, совсем как мыши, или,
как термиты, строим небоскребы. Только у термитов это по-
лучается гораздо лучше и чище, потому что они строят на со-
весть, а не воруют и не мусорят зря.

Вот некоторые из нас отрицают эволюцию, но ведь надо
быть слепцом, глупцом или подлецом, чтобы не замечать ее
следов в роде человеческом. Хотя я должен согласиться с те-
ми людьми, которые высказывают мнение, что скачок в раз-

витии интеллекта между человеком и приматами огромен. Я соглашаюсь с теми, кто говорит, что нам помогли появиться в этом мире, но я отрицаю всякое участие богов. Собственно говоря, я отрицаю и само существование каких-либо богов или чудес.

Довольно скоро моя усталость взяла надо мной верх. Сначала я просто прилег на бок, потом на спину и растянулся во весь рост, а уже через пять минут я просто-напросто заснул. Точно не знаю, сколько я спал, но спал крепко.

Проснулся я от шума, исходящего из офиса Русланы. Дверь была приоткрыта, и я мог видеть, что в офисе горит свет. «Ну наконец-то», – подумал я. Я встал, потянулся, привел себя в порядок и вошел в приоткрытую дверь. Русланы в офисе не оказалось, а шум исходил от бумаг на столе, на которые дул настольный вентилятор.

– Руслана! Доктор Мечник, – позвал я, но ответа не последовало. Черт собачий, что же это такое? Я осмотрелся и заметил проход в другую комнату.

– Руслана, – снова позвал я. В этот раз кто-то там шевельнулся и сказал: «Угу».

Я немедленно поспешил к проходу. Я зашел за угол удостовериться, не была ли это Руслана, и понеслось. Надо сказать, что перемещение в этот раз прошло благоприятнее. Только в бункере почему-то пахло копченой колбасой и пивом, и в дальнем углу кто-то ворочался и похохатывал время от времени. Опять свет, голоса, поворот, и я прибыл в нор-

мальный мир. Я был так счастлив, что прямоиком бросился к двери. Вылетел на улицу и увидел Райана, машущего мне из своего белого минивэна.

– Добрый, добрейший день, Райан.

– Как вы, профессор?

– Прекрасно, прекрасно. Пожалуйста, Райан, увезите меня отсюда на факультет физики.

– Я попытаюсь, – улыбнулся Райан, и я полез в машину. Я споткнулся о какой-то пакет, лежащий на полу, и потерял равновесие. Я упал на заднее сиденье прямо на колени к какому-то уже сидевшему там человеку. Я немедленно перевернулся, сел прямо и встретился взглядом с Русланой.

– Вот тебе на, – пролепетал я.

– Вы все еще находите в себе силы удивляться, Тед?

Она сидела, сложив руки на коленях, и поджимала ноги, так как на полу не было места от многочисленных пластиковых пакетов из «Волмарта», заполненных покупками.

– Я вижу, вы не теряли времени, – съязвил я.

– Ваш сарказм мало кому интересен.

– Что за фокусы вы выделываете? К чему вся эта белиберда?

– Я все объясню буквально через тридцать минут.

– Куда прикажете? – спросил Райан.

– Девять миль, – отрезала Руслана и отвернулась к окну.

И мы поехали прочь от Центра кармалогии.

– Райан, остановите здесь, – попросила она.

– Так ведь еще...

– Это ничего. Мы с Тедом пройдемся. А вы, Райан, просто отвезите все это ко мне домой, – она ткнула указательным пальцем в пакеты.

– А назад? – упорствовал Райан.

– Назад нас отвезет Данила.

– Вылезайте, Тед, у нас будет серьезный разговор.

Мы вышли на дорогу, посыпанную мелким гравием, и некоторое время шли молча, только гравий ритмично хрустел и перекатывался под подошвами.

– Восхитительная равнина, вы не находите? – наигранно произнесла она.

– Да, – подтвердил я.

– Вы здесь впервые?

– Нет, я здесь уже бывал.

Ее возбуждение потухло после моего ответа; лицо приняло сердитое выражение.

– Я здесь был очень давно, еще в раннем возрасте, с моим отцом.

– Надо же, – безучастно сказала она и, скрестив руки на груди, прибавила шагу.

Мы снова замолчали. Я недоумевал: почему ее настроение столь резко изменилось? Мы свернули с дороги на тропинку, окаймленную высокой красивой тонкой травой. Трава медленно колыхалась под ленивыми дуновениями ветра, и создавалось впечатление морских волн, плавно перекаты-

вающихся одна за другой. Я опустил руку в это травяное море и ощутил легкое щекотание на ладони и пальцах. Воспоминания о моем отце всплыли в моей памяти.

Были они довольно туманные, поскольку мне, как восьмилетнему мальчугану, это место казалось невероятно скучным. Я хорошо помнил лишь один момент. Мой отец решил сделать крюк и показать мне девять миль дикой прерии. По его мнению, нам надо было размять ноги после долгого сидения в автомобиле. Я не хотел выходить из машины, так как было очень жарко. Горячий ветер разносил сильный запах цветущих и иссушенных трав, и мне это не нравилось. Все казалось мне тогда унылым и обыкновенным – много засохшей длинной травы, снова, и снова, и снова, и только два-три деревца виднелись тут и там. Я нехотя плелся за ним. Он остановился и сказал, что немного полюбуется природой. Я сел на корточки и уткнулся носом в стебли травы. Одинокая цикада восседала на одном из стеблей, лениво поднимая серое брюхо и издавая громкий скрежещущий звук, словно сирена пожарной машины. Мы пошли дальше по узенькой тропке: мой рослый блондинистый, хорошо сложенный польский папаша и я как полная противоположность ему: маленький, худенький, кучерявый, черноволосый сын сербской матери. Странно было вернуться сюда с Русланой.

– Давайте присядем вот тут, – она указала на прогалину в траве. Прогалина располагалась в тени дерева гледичии. Трава в прогалине была уже изрядно утоптана. Место было

хорошее, и мы примостились на этом островке посреди травяного поля, скрывающего нас от посторонних глаз. Руслана глубоко вздохнула и прикрыла глаза. Выглядела она усталой, скорее, даже изнуренной.

– Позвольте мне объясниться, Тед.

– Ну что вы, не стоит.

– Нет, я должна объясниться. Если мы в дальнейшем будем работать вместе, нам необходимо доверять друг другу. Я не работаю с людьми, которым не доверяю, – заявила она.

– Я весь внимание.

– Я надеюсь, что вы осознаете факт, что даже в нашем современном, прогрессивном и технологически оборудованном мире успешной женщине, занимающей высокий пост, приходится несладко.

– Я вас очень хорошо понимаю и сочувствую.

– Не жалейте меня, – отрезала она. – Я не для этого вам это говорю. Я сама выбрала свою карьеру и этому рада, дело не в этом. Дело в том, что я не могу разговаривать с вами в моем офисе по ряду причин.

– Да, да, даже у стен есть уши.

Она посмотрела на меня так, как будто в ней родилось жгучее желание придушить меня. Я слегка заволновался – а вдруг ее животный инстинкт возьмет верх над разумом и... место тихое, из свидетелей только Райан.

– Пожалуйста, не перебивайте меня и не паясничайте, – смягчилась она.

Сколько труда ей стоило подавить в себе порожденную мною злость. Видимо, она не привыкла к столь фамильярным беседам. Я был ей нужен. Я еще не знал, зачем, но понял, что я был ей крайне необходим, иначе она бы испепелила меня прямо на этой прогалине. Еще я вспомнил совет одного из моих коллег по поводу профессора Гейнера, плачущегося в одном из его многочисленных интервью о нехватке средств и молодых умов в науке. Так вот, мой коллега сказал тогда: «Бойся не того волка, который рычит, а того, который блеет как овца». Так что на всякий случай я насторожился.

– Я просто хочу сказать, что мы, я и моя группа исследователей, верим в возможность построения сферы и перемещения по пространству с ее помощью. Я давно слежу за ходом вашей работы, а после последней статьи даже Андрей и кое-кто еще из моих коллег, сведущих в этом вопросе, считают, что ваши расчеты правдоподобны, – как заправский адвокат она замолчала на самом интересном месте, ожидая, что вот сию минуту я кинусь рассказывать ей все о моем проекте. Однако я тоже, в свою очередь, молчал и ждал, что будет дальше. Это выводило ее из терпения, и она не удержалась.

– Ну что же вы молчите, Теодор?

– Я просто думаю, а стоит ли мне углубляться во все необыкновенное?

– Трусите из-за объема работы? – усмехнулась она.

– Нет, это не так. Я это говорю не для того, чтобы увильнуть от работы. У меня есть цель, которая протащит меня

через рабочий процесс создания. Но мне хотелось бы иметь подтверждение того, что ваши люди имеют сходную мотивацию.

– Об этом вы можете не волноваться. Мы никогда не выходим за рамки наших возможностей. Мы предпочитаем руководствоваться целями, нежели просто мечтами, – и она снова смолкла.

Надо сказать, что от ее последнего заявления у меня возник порыв возбуждения, который подталкивал меня начать откровенный и честный разговор, но что-то мешало мне проникнуться доверием к этой женщине. Какой-то внутренний инстинкт предостерегал меня. Мой внутренний голос протестовал и грозился укокошить меня в том случае, если я начну с ней откровенничать. Я послушался и тоже не произнес ни слова. Она молчала, и я молчал. Ее это злило. Но удача снова повернулась ко мне лицом. У меня появилась возможность в этом потенциальном сотрудничестве перелезть с заднего сиденья за руль. Я был бы безмозглым дураком, упусти я такой случай.

Лицо Русланы постепенно меняло цвет с бледно-розового на багровый, глаза поминутно щурились, она закипала.

– Ну отвечайте же, наконец, черт бы вас побрал! – взвинтилась она.

– А чего именно вы от меня хотите? – вкрадчиво осведомился я.

Надо отдать ей должное, она сразу поняла, что повела се-

бя весьма опрометчиво, дав волю чувствам. Теперь она заговорила прямо, без намеков и психологических ловушек.

– Мы хотим построить сферу перемещения по пространству. Эксперимент Гейнера с АННА пока еще не увенчался успехом, им много надо дорабатывать. Впрочем, как и нам. Но у нас много времени в запасе. Вы знаете, что у нас есть прототип. Однако он не работает. Нам нужен знающий специалист, который может возглавить проект и построить рабочую сферу. Я думаю, что если мы совместим наши знания, ресурсы и старания, то успех будет огромен, – она встала. – Я посвящу вас во все детали, если вы согласитесь с нами сотрудничать.

Я открыл рот, чтобы узнать о финансировании, но она опередила меня.

– О ресурсах и средствах не беспокойтесь. Я все обеспечу. И еще кое-что. Я советую вам не распространяться по этому поводу даже с самыми близкими вам людьми. Понятно?!

– Да, конечно.

– У вас есть два дня на размышление, в понедельник я вам позвоню.

– А можно Райан отвезет меня в офис? – почему-то я уже решил для себя, что ни за какие коврижки я, Теодор Лепски, не буду работать с такой кровожадной теткой. Мне не хотелось ее больше видеть.

– Можно, я сейчас ему позвоню, – сухо ответила она и пошла прочь, а я остался сидеть на теплой прогалине и радо-

ваться, что наша встреча закончилась, закончилась навсегда.

Остаток дня я провел у себя в лаборатории, по возможности скрываясь от посторонних людей, дабы избежать ненужных вопросов о том, как прошла моя встреча с Ягой. Вечером я взял свою ракетку и направился в спортивный центр поразмяться с Джонни.

По дороге я думал, что все, кого я видел в лаборатории Русланы, выглядели удовлетворенными. Хотя, с другой стороны, видимость может быть обманчива. После разговора на прогалине я не был уверен, что такая женщина не применяет физических пыток на своих подчиненных для получения результатов. Нет, думаю, что никакие средства и ресурсы не могут заменить свободы.

Джонни еще не было, и я присел в холле его подождать. Однако он предательски не появился, променяв долбание резинового мячика о стену со мной на партию в шахматы с доктором Брюллем. Каков подлец. Притом зная, что я буду ругаться, Джонни к тому же не позвонил, а прислал предательское сообщение на мой мобильный. Да черт с ним. Пойду долбить мячик о стену сам с собой. А после пойду и немножечко напьюсь в пицце-баре «У Лазаря». Ведь в пятницу можно. Через тридцать или более минут я завершил истязания стен резиновым мячом и был на пути к желанной кружечке пивка. Но планы мои резко изменились, когда на выходе я увидел Наталью. Животная энергия во мне взыграла, и я в два прыжка настиг ее.

- Профессор Лепски!
- Можно просто Тед.
- Какая неожиданность!
- Приятная неожиданность.

Наталья смутилась и уставилась на пальцы своих ног.

Не давая ей опомниться, я спросил:

- Наталья, а какие у вас планы на сегодняшний вечер?
- Встреча с друзьями в местной кофейне.
- А вы не разрешите мне к вам присоединиться?

Она немножко подумала и сказала:

- Хм. Дайте-ка я позвоню Дильнаре, и если она и Поль не против, то почему бы и нет.

Дильнара и Поль были не против, и я повез милую мне даму в центр города в кофейню под названием «Мельница». Вот так моя кружечка пива превратилась в чашечку кофе. Парковку в пятницу вечером было найти сложно, так что нам пришлось идти от машины до кофейни пешком. Я не жаловался: компания у меня была превосходная. Мы шли рядом и болтали о пустяках. Душный, нагретый центр города погружался в сумерки и медленно охлаждался.

В конце улицы показалась большая веранда «Мельницы», которая уже была заполнена посетителями до отказа. Я начал представлять себе, что и внутри будет полно народу, но, к моей великой радости, это было совсем не так. Внутри кофейня оказалась очень милым, чистеньким, заманчивым заведением с характером. Просторные комнаты со сте-

нами из непокрытого красного кирпича и приглушенный свет придавали «Мельнице» таинственный вид. Я понял, что веранда предназначалась для шумных бесед, а внутри это было место для уединения и свиданий.

Мы прошли к столику, за которым уже сидели высокий, серьезного вида Поль и сверкающая Дильнара в совершенно прозрачной черной газовой блузке. Вежливые, выдрессированные официанты принесли нам горячие ароматные напитки, и пятничный вечер потек своим чередом. Томная атмосфера кофейни, приятные сладкие запахи, тихий джаз и мягкий свет затуманивали мое сознание.

Наталья и Дильнара много смеялись, при этом многочисленные блестящие сережки, усыпанные бусинами, толстенькие цепочки и браслеты с бубенчиками звенели и щелкали, превращая сверкающую Дильнару в сверкающую погремушку. Я не очень хорошо помню, о чем мы разговаривали, потому как я увлеченно смотрел на милую мне даму и при каждом удобном случае пытался с ней флиртовать. Это вызывало слегка истерический смех у сверкающей Дильнары и некоторое неодобрение со стороны серьезного Поля, который весь вечер пытался вести умную дискуссию. Как можно было вести умные дискуссии в обществе двух столь прехорошеньких дам? Но, как я узнал позднее, Поля больше интересовали прехорошенькие парни. Как бы я этого не хотел, но Полю все же удалось втянуть меня в серьезные размышления раза три, когда девицы выходили поудрить носики.

– Я удивляюсь на людей, – говорил он.

– В каком смысле?

– Они не хотят глотать таблетки, боясь побочных эффектов, но при этом пьют водку, курят, причем иногда курят всякую дрянь, дурманящую мозги, и едят шоколад. Или проанализируем ситуацию с другой стороны. Они будут пачками есть фармацевтические препараты, но ни за что на свете не откажутся от жирной свинины или гамбургера и ни за что не будут совершать пятнадцатиминутных прогулок хотя бы один раз в день.

– Да, Польша, вы совершенно правы.

– Или вот еще. Мы все поглощены новыми технологиями, серия «Патрон» и так далее. По моему мнению, умный мобильник – не что иное, как электронный героин. У всего мира развилась жесточайшая зависимость от такого рода предметов. Правительство должно регулировать их использование и продажу.

– Я думаю, что вы слишком много требуете от правительства, Польша.

– Ну, не знаю.

А когда мы уже собирались домой, Польша развел дискуссию о загрязнении окружающей среды и уборке мусора. Всем это порядочно поднадоело, но одна идея мне понравилась. По его словам, в ликвидации тех, кто мусорит на улицах, не было особого затруднения. Просто мера наказания за брошенный на улице мусор состояла в том, что возмутитель по-

рядка обязан был немедленно съесть то, что бросил. Забавно. Но вот, наконец, мы распрощались, и я повез Наталью к ней домой.

Мне было сложно определить, понравился я ей или нет. Меня утешала мысль о том, что если бы я был не в ее вкусе, то она бы отказалась провести сегодняшний вечер в моем обществе. Но особо я ни на что не рассчитывал. Я отвез ее домой, довел до двери и пошел назад к машине. Тут Наталья взяла меня за руку, и после этого я уже совсем ничего не помню. Теплое дыхание, объятия и поцелуи завершили мой выходной.

Утром, когда я открыл глаза, то не сразу понял, что нахожусь у нее дома и лежу в ее постели. А я ведь не пил – вот он, беспощадный животный инстинкт. Можно быть гением, и все равно нахлынет и накроет с головой. Я был в восторге, когда обнаружил завтрак на кухне, оставленный для меня Натальей, которая ушла на утреннюю пробежку. Пока я ел, я думал, а много ли было у нее таких счастливых, как я, кавалеров? Ведь в первое же свидание впустила, и то, и се. Мои сомнения развеялись, когда мы вместе провели все выходные. А когда в понедельник позвонила Руслана, я, естественно, согласился на сотрудничество.

Глава 3. Жизнь в кармане

Уже через неделю я полностью погрузился в работу и ушел в карман. Как оказалось, в кармане был целый исследовательский городок с общежитиями, медицинским центром и даже парочкой магазинчиков и ресторанов. Так что жертвовать ради науки мне практически не пришлось. Помимо работы над проектом по пространственной сфере перемещения я регулярно встречался с Натальей и проникся к ней глубоким доверием, так что мы съехались в карманном общежитии. О большем я и не мечтал.

И вот однажды настал долгожданный день, когда моя драгоценная сфера была завершена и стояла, поблескивая под предохранительным куполом в огромнейшем подвале карманного Бидла. Вся моя команда (Андрей, Мартэн и Доминик) радовалась, мы поздравляли друг друга, мы были счастливы. Однако коварная судьба уже перевела стрелки на путях, по которым несся к победе наш паровоз успеха.

Начались практические испытания сферы. После первых же экспериментов я понял, что что-то было не так, я что-то упустил в своих расчетах. Все пошло кувырком. Все время что-то ломалось, выходило из строя, дисперсионный носитель вытекал из плазменной камеры. Сфера то ревела, то булькала, то нагревалась, то загоралась, то плевалась раскаленной плазмой, в ней не то что сидеть, к ней было страшно

подойти. Проще говоря, сфера не работала.

Сто или более раз я пересматривал, пересчитывал – и все без толку. Я бился головой о стену. Я забыл про все и про всех. В голове моей стремглав проносились страшные вопросы: неужели все пошло насмарку, столько работы, и все к черту, неужели Гейнер был прав, и моя затея действительно слишком фантастична, чтобы быть правдой? Какой же я дурак. Что я о себе возомнил? Сломленный самокритикой и самокопанием, я впал в глубокую депрессию, перестал ходить на работу и угнездилился в местном баре.

– Где он? – услышал я знакомый голос, доносившийся сзади.

– Вот, извольте, – сказал бармен, и я услышал шаги людей, спешивших к моему столику. Оборачиваться я не стал и головы поднимать от стола не стал, так как знал, что пришла она. «Сейчас будет ругаться», – подумал я и приготовился. К моему удивлению, Руслана положила руку мне на плечо и ласково спросила:

– Вам очень плохо, Теодор?

– Да, – отозвался я из-под рук, сложенных полукругом вокруг лица, чтобы не проходил свет и чтобы никто не мешал моей печали.

– Вот жучила, – услышал я голос Данилы.

– Подождите, Абрамов, я советую вам вспомнить ваши неудачи с короной. Вы помните, что вы делали и сколько мне пришлось из-за вас побегать...

– Не стоит об этом, – виновато пробурчал доктор Абрамов.

– Не переживайте так, Теодор, у всех бывают провалы.

– Нет, не у всех. Не такого масштаба. Уйдите, мне стыдно.

– Не смейте стыдиться! Немедленно вставайте, я собираю совещание по этому поводу. Необходимо действовать, а не хныкать.

– Столько денег и труда угрохали, – заныл я.

– Вы, я вижу, профессор Лепски, не следуете моим указаниям. Вы сомневаетесь в моих возможностях?

– Не понимаю.

– Я вас предупреждала, чтобы вы не заботились о средствах и ресурсах, а вы что делаете?

Моя голова тут же прояснилась, да, именно это я и делал.

– Вы думаете о том, что вы истратили столько денег зря, а не о том, что бы сделать, чтобы машина заработала. А мне нужен тот, кто может наладить машину. Понятно?! Поднимайтесь.

Мне сразу стало легче.

– Данила, – позвала она.

– Я здесь, – отозвался тот.

– Приведите его в порядок, а в шесть часов ровно приведите в кабинет заседаний. И еще: попросите Шантану связаться с архивом.

– С архивом? Вы считаете?

– Да, – она резко повернулась и быстро ушла.

– Эй, Лепски, друг дорогой, пойдем помоемся. Ты приободрись, я по опыту знаю, что если она думает, что сработает, значит, сработает. Я ни разу не видел, чтобы она ошибалась, а я с ней десять лет работаю. У нее на это дело, так сказать, звериное чутье.

Его слова придали мне необходимой уверенности, и я пошел чиститься. Бармен Джерри за стойкой заулыбался, радуясь, что меня забрали: ему ужасно надоело мое нытье.

Весь день я бездельничал под зорким надзором доктора Абрамова, а в шесть часов я прибыл на совещание. Я отворил огромную, увесистую дверь и вошел в кабинет. Там уже сидели сама Руслана, Андрей, всеми обожаемый Мартэн, профессор Комияма с представителем своей группы. Через несколько минут зашел Феликс (чему я лично сильно удивился). Тучный Феликс грузно плюхнулся в кресло и задрал волосатые толстые ноги в резиновых шлепках на стол. Затем он картинно запрокинул голову и начал чесать топорщившуюся бороду. Феликс, в принципе, был личностью не то чтобы фамильярной, а просто нахальной и вызывающей, и был мне неприятен. Но никто не обращал на его нелепое поведение особого внимания, и я тоже перестал это делать. Феликс перестал чесаться, сладко хрюкнул и спросил:

– А можно я закурю?

Руслана одарила его холодным взглядом и медленно протянула металлическим голосом:

– Вы в своем уме?

Впервые за столько недель пребывания в карманном Бидле я увидел, как Феликс испугался. Он немедленно сдернул ноги со стола и убрался в топорщившуюся бороду. Я знаю, что нехорошо глумиться над убогими, обиженными и испуганными, но мне было очень приятно лицезреть, что хоть кто-то поставил Феликса на место.

Все устроились вокруг полированного стола, и совещание началось. Первой заговорила Руслана:

– Значит так, Тед, профессор Комияма, – тот сразу захихикал, – и Акинори пересмотрели ваши расчеты. Они считают, что вам необходимо посетить архив. Я придерживаюсь такого же мнения.

– Так сразу и в архив? – вступил в разговор Андрей.

– Ну хорошо, господин Симбол, а что вы предлагаете? Я стараюсь не замыкаться на одной идее. Я вас слушаю.

Андрей потупился и что-то невнятно пробурчал.

– Итак, – продолжала Руслана. – Я считаю, что вы, Тед, пойдете в архив с Мартэном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.